

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЕЖИ

«СОБСТВЕННО, С НИМИ Я И ВЫРОСЛА...»: ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ПОКОЛЕНИЙ ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ РЕТРОСПЕКТИВНЫХ ВОСПОМИНАНИЙ СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖИ О ДЕТСТВЕ

Оксана Владимировна Бессчетнова^a

(oksanabesschetnova@yandex.ru),

Светлана Николаевна Майорова-Щеглова^b

(sheglova-s@yandex.ru)

^a Научно-исследовательский институт организации здравоохранения и медицинского менеджмента Департамента здравоохранения города Москвы, Москва, Россия

^b Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия

Цитирование: Бессчетнова О.В., Майорова-Щеглова С.Н. (2021) «Собственно, с ними я и выросла...»: взаимоотношения поколений через призму ретроспективных воспоминаний современной молодежи о детстве. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 24(4): 110–137. <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.5>

Аннотация. Проведен анализ межсубъектных отношений различных поколений и выделены наиболее позитивные/негативные сектора взаимодействий между поколением Y (миллениалы) и иными поколениями. Социологическое исследование проведено в 2020–2021 гг. среди студенческой молодежи мегаполиса и малого города методом глубинного интервью (N=85). Ретроспективные воспоминания студентов о детстве показывают, что младшие члены семей выстраивают межпоколенные отношения наравне со всеми поколениями без исключения, зафиксированы свидетельства об изменчивости данного социального конструкта. Установлено, что характер межпоколенных взаимоотношений в детстве непосредственным образом влияет на оценку актуальных отношений респондентов с членами семьи во взрослой жизни: по субъективным оценкам, чем более доброжелательными они были в прошлом, тем более тесные и доверительные они в настоящем и гипотетически в будущем, и наоборот. Несмотря на межпоколенные различия, конфликтные отношения более характерны для системы «дети — родители», чем «дети — прадедушки». Частота упоминаний о родителях в нарративах респондентов стоит на третьем месте после бабушек/дедушек и друзей, что, предположительно, связано с их отсутствием в связи с трудовой занятостью. В этой связи авторы считают, что персонифицированный позитивный опыт взаимодействия молодежи с представителями старшего поколения (чаще бабушками) является одним из важных условий формирования положительных аттитюдов к лицам

пожилого возраста в целом, межгенерационной сплоченности и сплоченности общества. Обобщаются шесть направлений деструктивного уменьшения сфер вовлечения старшего поколения в заботу о своих внуках/правнуках в современной России. Обозначенные трансформации рассматриваются как императив для изменения вектора и мер государственной социальной политики, а также междисциплинарных поколенных исследований.

Ключевые слова: поколение, молодежь, студенчество, теория поколений, ретроспективный анализ, нарратив, межпоколенное взаимодействие.

Введение

Поколенческая организация общества — теоретический конструкт, объясняющий социальный механизм эволюционных процессов, внутрипоколенческих взаимодействий и сплоченности (Дыльнов, Шахматова 2003).

Отталкиваясь от классического определения К. Мангейма, обратим внимание на выделяемую им «тенденцию формирования специфического типа поведения, чувств и мышления» (Мангейм 1998:19). Изменяя первоначальную трактовку поколения, данную Мангеймом, Бурдые преломляет ее через понятие «габитуса», определяя поколение как когорту людей, имеющих общий габитус и культуру, находящихся в одном временном континууме и обладающих коллективной памятью, которая служит «кле-ем» для объединения ее представителей (Bourdieu 1977).

Начиная с классиков социологической мысли (Feuer 1969; Lorenz 1970; Mannheim 1952; Mendel 1969; Маркс, Энгельс 1978) большинство современных зарубежных исследователей (Espinoza, Ukleja 2016; Grace, Graen 2014; Grubbs 2015; Karsh, Templin 2013) продолжают развивать идею о различиях между поколениями, делая акцент на мотивацию, поведение, особенности труда и отдыха, причины межпоколенных конфликтов с учетом социального пространства, отношений наследства, совместного проживания. Например, изучая отношение к труду представителей разных поколений работников, ученые приходят к выводу, что миллениалы несомненно отличаются от своих предшественников идеями, точками зрения, поведением, что заставляет работодателей искать новые способы взаимодействия и управления (Anderson, Baur, Griffith, Buckley 2017; Balda, Mora 2011).

В настоящее время теории XYZ поколений, выдвинутая американскими учеными Н. Хоувом и У. Штраусом (Howe, Strauss 1991) на основе анализа истории США, получила второе рождение. Она имеет как своих сторонников, так и противников в научном сообществе. Наибольшей критике, как правило, подвергаются следующие ее положения: во-первых,

утрирование значения принадлежности отдельного человека к тому или иному поколению и его влияния на индивидуальную жизненную траекторию; во-вторых, отсутствие адекватных методов, позволяющих точно установить степень значимости поколенческих характеристик и отделить их от других детерминант; в-третьих, недостаточность подтвержденных эмпирических данных, научно доказывающих существование важных отличий между поколениями по принципиальным позициям достижения социального статуса — образование, работа, семья, потребление, ценности, образ жизни и пр. (Espinoza, Ukleja 2016; Fitch, Van Brunt 2016; Costanza, Finkelstein 2017).

Ряд авторов в качестве альтернативы предлагает смену вектора с теории поколений на теорию жизненного цикла. Это позволит, во-первых, преодолеть, существующие ограничения, связанные с необходимостью выделения возрастных групп/когорт и возможности использования возраста как постоянной переменной; во-вторых, рассмотреть взросление как процесс, детерминированный многими неизвестными, в отличие от его упрощенного объяснения межпоколенческими различиями; в-третьих, перенести акцент с «абстрактного» макроуровня (влияния исторических событий на жизнедеятельность отдельного индивида) на микроуровень (роль межличностных отношений, взаимодействий, процессы самореализации, саморазвития, самосовершенствования). Кроме того, отсутствие жесткой привязки к когортам предполагает гипотетическую возможность индивидуальных изменений в любом возрасте (Diewald, Mayer 2009; Rudolpha, Rauvolaa, Zacherb 2018; Zacher 2015). Вместе с тем, несмотря на критические замечания, трудно отрицать воздействие среды, внешних условий, политических, экономических, идеологических факторов, непосредственное влияющих на процесс взросления и становление личности и многократно подтвержденных эмпирически.

В начале XXI в. у большинства отечественных исследователей (Глотов 2004; Кон 2006; Луков 2012; Семенова 2009; Радаев 2020а; 2020б; Шанин 2005; Шахматова 2003) сформировалось представление о поколении как объединении людей, обладающих сходными признаками, чей процесс социализации проходит в примерно одинаковых социокультурных условиях и детерминируется значимыми историческими событиями, накладывающими отпечаток на формирование близких по содержанию взглядов, ценностей, установок, мировоззрения и образа жизни. В качестве дополнения В.В. Семенова указывает на формирование внутренней солидарности поколений или дифференциации взглядов разных поколений, выделяя «узкий фокус отношения к социальной реальности и определенным событиям прошлого» (Семенова 2009:29).

Для преодоления ограничений теории поколений XYZ для методологии нашего исследования важным аспектом является ее положение о том, что одним из признаков поколения выступает усвоение смысложизненных ценностей, ориентаций и установок, морально-нравственных норм, формирующихся под воздействием сложившихся социальных, экономических, политических условий в детстве, что напрямую оказывает влияние на становление новых поколений Альфа/Дельта (Безрукова 2017; Бесчасная 2020). В связи с этим для выстраивания целей нашего исследования мы придерживаемся трактовки поколения, данной В.В. Радаевым, который предлагает изучать не столько возрастные когорты, сколько поколения, проходящие через аналогичный жизненный цикл (в нашем случае детство) (Радаев 2020а; 2020б).

Теория XYZ поколений дала толчок новому направлению исследований в области социологии, позволив посмотреть на организацию поколенческой структуры общества новым взглядом, с учетом станового и социокультурного контекстов. По аналогии с зарубежными исследованиями за последнее десятилетие в отечественной социологической науке появились многочисленные работы в русле конфликтологического подхода, в рамках которого новое поколение предлагается рассматривать как ось конфликта, надвигающегося кризиса социальной дифференциации по разным основаниям, в частности цифровым компетенциям, лоббированию интересов молодежи за счет других возрастных групп, идей уникальности и миссии молодого поколения, его отличия от своих предшественников как катализатора новых изменений в обществе (Бейлина, Двойникова 2019; Лапидус, Гостилович, Омарова 2020; Новиков 2018).

Однако обращение к анализу современной научной литературы социогуманитарной направленности показывает, что отношение представителей одних возрастных групп к предшествующим или последующим редко становится предметом исследования. В современной российской науке превалирует идея сравнения соседних поколений, которые близки друг другу по возрасту, чей период взросления проходит в «соседние» исторические эпохи, как правило в советский и постсоветский периоды (Дробышева, Войтенко, Дробышева 2019; Радаев 2020а).

Целью нашего исследования было изучение специфики межсубъектных отношений представителей трех поколений семьи («дети — родители», «дети — дети», «дети — бабушки/дедушки») на основе ретроспективного анализа воспоминаний молодых людей (поколение Y) о собственном детстве.

Основные методологические позиции, которые предопределили методы и дизайн исследования:

- межпоколенные отношения выстраиваются всеми поколениями без исключения, в том числе самыми младшими;
- межпоколенные отношения в обществе — изменяемый социальный конструкт, что дает основание говорить о тенденции их изменения в современном обществе;
- на макроуровне база межпоколенных взаимоотношений закладывается не столько через тенденции развития общества в определенную историческую эпоху, сколько посредством личного опыта выстраивания семейных взаимосвязей (контактов, отношений, кооперации и конфликтов) на основе детского биографического опыта;
- опыт межличностных отношений детей с родителями/прауродителями может иметь конструктивную или деструктивную проекцию для будущего развития социальной сферы в целом.

Обоснование выделения объекта исследования

Выбор в качестве объекта исследования так называемого поколения Y, миллениалов, обоснован историко-социальной ситуацией, так как именно его представители сегодня выходят на рынок труда и несут бремя финансовой поддержки, «экономической солидарности» по отношению ко все увеличивающейся группе серебряного возраста. В этой связи наше исследование позволяет поставить предварительные прогностические гипотезы и ответить на вопрос, будет ли в ближайшем будущем нарастать противоречивость интересов, усиливаться противостояние поколений или же, наоборот, будет достигнута своеобразная социальная межпоколенная кооперация. Анализ классификаций поколений различных авторов (табл. 1) дает возможность заключить, что большинство из них имеют как сходства в названиях и интерпретации, так и незначительные отличия, касающиеся, как правило, временных рамок ($\pm$ два-три года).

Таблица 1

Классификации поколений в интерпретации зарубежных и отечественных исследователей

Автор	Название поколений	Временной период рождения
Н. Хоув, У. Штраус (классификация поколений в США)	GI («победители»)	1900–1923
	молчаливое поколение	1923–1943
	беби-бумеры	1943–1963
	поколение X	1964–1984
	миллениалы, или Y	1985–2003
	поколение Z	2004 — н.в.

Окончание таблицы 1

Автор	Название поколений	Временной период рождения
В.И. Пищик (классификация поколений в США)	ветераны	1925–1945
	бэби-бумеры	1946–1964
	неверящее поколение X	1965–1982
	информационное поколение Y	1983–1999
	новое поколение Z	2000–2015
Ю. Левада	революционный перелом	1905–1930
	«сталинская» мобилизационная система	1930–1941
	военный и послевоенный период	1941–1953
	«оттепель»	1953–1964
	«застой»	1964–1985
	«перестройка»	1985–1999
Н.П. Попов	«поколение войны, победители»	1943–1963
	«поколение, потерявшее веру в социализм»	1964–1984
	«поколение миллениума»	1985–2002
В.В. Радаев	«мобилизационное» поколение	до 1938
	поколение оттепели	1939–1946
	поколение застоя	1947–1967
	реформенное поколение	1968–1981
	поколение миллениалов (Y)	1982–2000
	поколение Z (центениалы)	2001 — н.в.
В.В. Семенова	околовоенное поколение	1920–1940
	доперестроечное поколение	1940–1960
	поколение переходного периода	1960–1970
	послеперестроечное поколение	После 1980-х
Е. Шамис, А. Антипов	«победители» (поколение GI — General Item)	1900–1923
	«молчуны» (поколение P — Pensioners)	1923–1943
	«бэби-бумеры» (поколение BB — Baby Boomers)	1943–1963
	«иксы, или неизвестные» (Поколение X)	1963–1983
	«игрек», «миллениалы» (Millenials, Next)	1983–2003
	«Z», «дети индиго» (поколение Z, («хоумлендерь», «поколение национальной безопасности»)	2003 — н.в.

Смещение временных границ в российском варианте теории поколений У. Штрауса и Н. Хоува относительно оригинала обусловлено различными историческими событиями, происходившими в наших странах (Strauss, Howe 1997). Отечественные исследователи Н.П. Попов и В.В. Радаев выдвигают тезис о неоднородности внутри поколения миллениалов и предлагают отдельно выделить внутри этого поколения *постмиллениалов* — людей в возрасте 18–24 лет (Попов 2018) или *старших миллениалов*, родившихся на излете советского периода (1982–1990) и вступивших в период взросления в 1999–2007 гг., детство и юность которых проходили в наиболее благоприятных социально-экономических условиях, но задолго до массового распространения новых цифровых технологий (Радаев 2020а). Для обозначения участников нашего исследования мы будем придерживаться названия «миллениалы» для определения лиц, родившихся в период 1999–2000.

Дизайн исследования и методология анализа

Исследование осуществлялось в 2020–2021 гг. при помощи метода глубинного интервью, проведенного в дистанционном формате на платформах Zoom и Skype. Информантами выступали студенты 3–4 курсов (годы рождения: 1999–2000), обучающиеся по гуманитарным, социальным, физико-математическим и естественно-научным направлениям подготовки программ бакалавриата и 1–2 курсов магистратуры (годы рождения: 1997–2000) из двух регионов: мегаполиса (Москва) и малого города (г. Балашов Саратовской области), сформированные в две равные группы (N=85). Оба вуза, студенты которых участвовали в исследовании, являются государственными, предлагают возможности бюджетного и недолгого платного обучения, социально-экономическое положение респондентов условно стабильно среднее относительно уровня жизни в регионе. На заключительном этапе была применена случайная подвыборка разнокачественных объектов, так как интервью касалось чувствительных, биографических тем и было исключительно добровольным. Исследование еще раз убедительно подтвердило специфику сбора нарративов и особенности биографической памяти у людей разных полов: изъявили желание принять участие в опросе 68 % девушек и 32 % юношей. Каждый второй респондент помнит себя с возраста 3–4 лет, каждый третий — с 5–6 лет.

Гайд интервью состоял из вопросов закрытого и открытого типа. Первые включали установление возраста первых воспоминаний о детстве, их общую характеристику и основных участников событий, выявление ассоциативного ряда со словом «детство». Вопросы открытого типа в виде нарративов были направлены на изучение ценностно-оценочных сужде-

ний самих респондентов о собственном детстве. Для структурирования интервью, придания ему вектора, открытые вопросы были разбиты на шесть блоков: «Мои первые воспоминания о детстве», «Про счастье/радость», «Про грусть/обиду/печаль», «Про конфликт», «Про семью» и «Про друзей», — которые, на наш взгляд, позволили информантам сосредоточиться на наиболее важных событиях их жизни в период детства.

Существенной частью первичного анализа стало выделение социального контекста проживания детства респондентами. Поколение Y («поколение миллениума») — дети, рожденные поколением X, свидетели катастрофы на Чернобыльской АЭС, распада СССР, перестройки 1990-х годов, дефолта, расцвета «рыночной экономики», разгула преступности, терактов и военных конфликтов, появления цифровых и биотехнологий, интернета, эпидемий (птичий, свиной грипп, атипичная пневмония, лихорадка Эбола и др.) (Попов 2018). Для них характерны уверенность в себе, гибкость мышления, ответственность, мораль и долг, готовность к изменениям, высокий уровень навыков владения техникой, нацеленность на результат и получение немедленного вознаграждения (Дробышева, Войтенко, Дробышева 2019). Погружение в изучаемую ситуацию дало возможность сузить границы обобщения до определенных «социальных рамок».

При анализе использована методика фреймворк-подхода: углубленное изучение интервью привело к выделению ключевых тем и составлению логической структуры для вычленения значимой для решения исследовательских задач и представления краткой комплексной информации (Ritchie, Spencer 2002).

Составленное «плотное описание» позволило сконцентрироваться на следующих контекстах: ассоциативный ряд детства, связанный с поколениями; игрушки детства как дары поколений; структура поколений в семье; ритуалы поколенческих отношений; межпоколенческие конфликты и консенсусы.

В процессе анализа ad hoc возникло несколько предположений: характерной особенностью процесса социализации поколения Y выступает то, что, в отличие от следующего поколения Z («хоумлендеры», «цифровые аборигены»), их детство, во-первых, последнее «детство без гаджетов», во-вторых, детство иных межпоколенных отношений в семье, имеющее проекцию на макросоциальные поколенческие отношения в будущем.

Общие характеристики поколения Y

Большинство информантов характеризовали свое детство как «счастливое», «радостное», «беспечное», «беззаботное», реже как «нейтральное»

(«даже ничего на ум не приходит, какие-то мелкие моменты были, ну, нет, не было ничего такого “крупного”») или «травматичное» по причине жестокого обращения, семейных конфликтов, развода родителей, утраты близких родственников или домашних животных.

В ассоциативном ряду ожидаемо превалировали атрибуты детства: игрушки, подарки, игры. Наиболее часто упоминаемые ассоциации связаны с «песочницами, игрушками, качелями, скакалками, дружбой», «качелями и лекарствами», «игрой в прятки», «велосипедом и сладостями». Кроме того, респонденты упоминали праздники, памятные места или события («Дед Мороз», «деревня», «садик», «лето, речка, друзья»), а также давали общую эмоциональную характеристику того периода жизни («счастье», «отдаленность, безвозвратность», «улыбка мамы, смех сестры и игры с друзьями», «мамины сказки, мультики, добрые рассказы бабушки»). Наиболее травматичные для психики события, вне сферы межличностных взаимодействий, связаны с потерей домашних питомцев.

Характерной особенностью детских воспоминаний представителей поколения Y о друзьях детства является коллективный характер совместного досуга, включающего игры, общение или творчество. Игры, как правило, подвижные, на открытом воздухе, носящие, групповой характер и чаще всего включающие детей разного пола и возраста. В подавляющем большинстве нарративов информанты использовали местоимение «мы», вместо «я», тем самым идентифицируя себя с детским коллективом, группой сверстников, единомышленников. Автобиографические жизнеописания информантов яркие, динамичные, изобилуют подробностями, которые дают представление о коллективных видах деятельности детей того времени, таких как поход на реку, в лес, катание на велосипедах, совместное чтение, рассказывание сказок/страшилок, постройка шалаша и пр.

Межпоколенные взаимодействия

В качестве участников воспоминаний о межпоколенных взаимодействиях по частоте упоминания фигурируют члены семьи — с большим отрывом от остальных бабушки/дедушки, затем родители и, наконец, друзья и субъекты образования (одноклассники, дошколята, воспитатели, учителя). На основе анализа жизненных событий информантов все позитивные воспоминания о контактах с другими возрастными группами были условно разделены нами на три блока: «подарки», «семейные праздники/отдых» и «личные достижения».

В первую группу вошли наиболее запоминающиеся позитивные события, связанные с ожиданием и получением подарков (игрушки, одежда/

обувь, велосипед, ролики, домашние питомцы), которые, по мнению респондентов, произвели на них неизгладимое впечатление в силу своей эмоциональной яркости и насыщенности:

Помню примерно себя лет с трех, когда мне дедушка привез большую куклу Мальвину. Он приехал поздно ночью и привез, разбудил меня и подарил мне эту куклу. Это была самая моя любимая кукла (жен., 20 лет, БИ СГУ).

Мне было лет, наверное, шесть, и я помню, как я просила у родителей велик и спустя какое-то время мне его привезли на большом КАМАЗе. Я была очень счастливая и радостная, и потом я ездила по улице и говорила всем: «Вот у меня теперь есть велосипед!» (жен., 21 год, РГСУ).

Я помню себя примерно с возраста трех лет. И причем это были довольно-таки позитивные воспоминания, как родители купили мне шлепки — сланцы летние, и я в них тоже бегала летом, а эти сланцы были велики и пальцы вылезали из них, и это довольно-таки тоже комично смотрелось (жен., 22 года, БИ СГУ).

Самая позитивная история связана с тем, что я в детстве безумно хотела ролики. В один прекрасный момент бабуля с дедулей собрались в город, берут меня, мы садимся в Волгу, приезжаем в Балашиов, идем в спортмагазин, и мне покупают ролики. Сколько у меня была счастья в тот момент! (жен., 24 лет, БИ ГСУ).

Первое самое запоминающееся событие — это когда родители завели собаку. Я очень был рад, ухаживал за ней и очень ее любил. Она стала моим лучшим другом (муж., 23 года, БИ СГУ).

Вторая группа воспоминаний связана с праздниками или семейным отдыхом (день рождения, первое сентября, поход в лес, гараж, поездка на поезде):

Я помню себя примерно с возраста четырех лет. Первое, что я помню — это был юбилей моей бабушки. Я была в белом бальном платье, и там было много родственников. Мы ели огромный арбуз со всеми братьями и сестрами (жен., 23 года, РГСУ).

Я помню себя примерно с возраста.... да, 3,5 года мне, наверное, было, вот и мой день рождения, в августе. Ну, собрались гости, дети, много людей собралось, и мне велосипед подарили, двухколесный. Маленький такой. Я поехала кататься. Сестра была, брат был, много деток, молодежи еще, маленьких детей. И я еду, еду и меня кусает оса

за ногу, и вот, что я помню. Я так долго плакала, было очень больно мне, вот (жен., 21 год, БИ СГУ).

Первое, что я помню, это когда я пошел первого сентября в первый класс, и весь мой класс состоял из четырех человек (муж., 21 год, РГСУ).

Ну, это когда, например, мы с родителями и братьями старшими и младшими ходили в лес, пекли картошку, жарили сосиски, веселились, играли в лапту (жен., 23 года, БИ СГУ).

Первое что я помню, это как папа взял меня с собой в гараж, где я испачкала свое любимое платье (жен., 22 года, БИ СГУ).

Третья группа воспоминаний делает акцент на личных достижениях информантов. Во многих интервью содержатся упоминания об овладении навыками управлять велосипедом или плавать. Велосипед воспринимается большинством опрошенных как безусловный атрибут детства, который рассматривается ими не только как транспортное средство, дающее возможность передвижения, но и как предмет, позволяющий ребенку продемонстрировать владение специфическими навыками, быть более мобильным, автономным, независимым от взрослых, в силу чего ожидание его покупки, желание обладать им выступает лейтмотивом многих повествований:

Самая позитивная история для меня — это когда я научилась ездить на велосипеде. Помню, мне купили велосипед. Я очень хотела на нем поехать, но у меня не получалось и в один прекрасный день у меня все-таки получилось, я очень была рада (жен., 20 лет, БИ СГУ).

Что я действительно помню, почему-то очень ярко в моей жизни отложилось воспоминание о моем таком, первом велосипеде и как меня папа учил на нем кататься. И я не знаю, почему-то это вот воспоминание, которое действительно живет во мне, по сей день как одно из самых ярких и я его отчетливо помню. И помню, как я на нем катался несколько дней, просто не переставая. Вот, до боли в ногах (муж., 23 года, РГСУ).

Самое позитивное, наверное, вспоминается, когда я научилась плавать. Долго, долго, долго я старалась, ходила руками по дну, но потом все-таки у меня потихоньку получилось (жен., 22 года, РГСУ).

Более половины молодых людей имели опыт воспитания бабушками/дедушками в детстве, который характеризуется ими исключительно позитивно. Представители старшего поколения описываются всеми участниками интервью как любящие, понимающие, заботливые, внимательные, принимающие активное участие в их делах, люди, которым можно дове-

рять свои «секреты», попросить помощи и совета, у которых можно чему-то научиться. Рольевые ожидания детей полностью совпадают с поведением старшего поколения, принимающего активное участие в социализации своих внуков, что выражается в высокой степени межпоколенной взаимосвязи, минимальной социальной дистанции, взаимопонимании и взаимопомощи.

Мои детские воспоминания больше всего связаны с бабушкой, конечно же. Потому что все свое детство я провела в деревне с бабушкой с дедушкой. Когда я приезжаю в деревню и когда я выхожу из автобуса или из машины, то всегда произношу фразу: «Вот моя деревня, вот мой дом родной...». Там я себя чувствую иначе, свободно, спокойно, легко (жен., 21 год, БИ СГУ).

Наверное, все-таки больше хочется рассказать о взаимоотношениях с бабушкой. <...> Она мне пекла обалденно вкусные пирожки, варила такие простецкие супчики, но у них был просто непередаваемый вкус. ...причем она меня вот чуть ли не с самых подгузников нянчила. И вот это, наверное, самые такие сильные моменты. Эти моменты благодарности и по сей день (жен., 22 года, РГСУ).

Больше всего мне запомнилась история, связанная с моей бабушкой. На 8 Марта, когда мне было лет девять, я очень сильно заболела. У меня была высокая температура, мне было очень страшно, и я даже плакала. Меня не могли успокоить ни родители, ни брат, но бабушка села рядом со мной, стала разговаривать как обычно, успокоила — у нее это получилось. Даже покормила меня, хотя я не хотела, и я уснула. После сна температура спала, и все было хорошо. Почему-то именно эта история у меня запечатлелась (жен., 23 года, РГСУ).

У меня очень хорошие взаимоотношения с моей бабушкой. Я ей все доверяю, все ей рассказываю, где-то она меня поддержит, где-то поругает или даст совет (жен., 21 год, БИ СГУ).

Две трети респондентов описывают свои отношения с родителями как доверительные, основанные на любви и взаимопонимании. Независимо от гендера в ответах респондентов четко прослеживается ценность отца, его особая роль в жизни и воспитании детей. Отец воспринимается как знаковая фигура, чье внимание, в отличие от материнского, нужно еще заслужить, что и отражается в рефлексии молодежи.

В детстве очень часто папа любил надо мной шутить, и когда мама готовила домашний хлеб, у него часто подгорала верхушка, она

была очень черная и горелая. И папа говорил, что если я ее съем, то я не буду бояться волков. И я ее постоянно ела (жен., 23 года, РГСУ).

У нас были всегда хорошие взаимоотношения. Мама мне всегда помогала, всегда подсказывала все, приходила на помощь, когда мне было это нужно. Папа в принципе тоже. А с сестрой у нас всегда были очень доверительные отношения, что и осталось по сей день (жен., 21 год, БИ СГУ).

Мои взаимоотношения с моей семьей самые лучшие. Мама и бабушка — мои самые лучшие подружки. Они меня всегда поддержат, дадут дельный совет. Делают все для меня, чтобы я была самая счастливая. Дедушка и папа с самого детства защищают меня. Дедушка души во мне не чаёт, занимался со мной спортом, учил делать «березку», «мостик», рисовал со мной. Я всегда была его маленьким «хвостиком», и он меня очень любит и дорожит. Папа любит меня. Мы с ним ездили на рыбалку, я ему всегда помогала в домашних делах. У меня самая счастливая семья (жен., 22 года, БИ СГУ).

У нас были отношения добрыми, в семье как-то все ладилось. Конечно, мама иногда ругала, наказывала, а отец всегда старался научить, воспитать так, чтобы через мозги все проходило. Никогда не прикладывал рук, никогда меня не бил. Ну, а от мамы иногда получал, так что... я думаю, что счастливое детство, оно с счастливыми родителями (муж., 23 года, РГСУ).

Наряду с позитивными воспоминаниями информанты делятся и негативными переживаниями, причины которых связаны с семейными конфликтами, разводом или потерей родителей, утратой или травмой домашних питомцев. Следует обратить внимание на тот факт, что молодые люди чаще всего упоминают родителей, а не пра родителей.

Ну, это тогда, когда мне было 8 лет, и случилось так, что мои родители развелись. И нас оставила мама с папой и братом (жен., 24 года, РГСУ).

В детстве я всегда наблюдала за конфликтом родителей, это было довольно часто в нашей семье, когда происходил конфликт между папой и мамой, они ругались и по поводу и без повода, когда дело доходило до развода, я очень тяжело это воспринимала (жен., 22 года, РГСУ).

Так случилось, что моим родителям пришлось развестись. И первое время я жила с мамой. И мама не позволяла папе и родственникам со стороны папы, т.е. бабушке, дедушке, крестной моей, со мной

общаться. И тогда, конечно, были очень серьезные конфликты, и все это было на моих глазах (жен., 22 года, БИ СГУ).

Анализ интервью позволяет заключить, что треть информантов характеризует свои взаимоотношения с родителями как амбивалентные, конфликтные, индифферентные, без глубокого взаимопонимания, источники которых не в последнюю очередь кроются в детских обидах, продолжая препятствовать установлению тесных родственных, конструктивных отношений и в период взрослости. Часто в нарративах встречаются противопоставления взаимосвязей с родителями — прародителями.

В целом с папой и мамой взаимоотношения у меня складываются не совсем положительно. На более благоприятном уровне взаимоотношения с бабушкой и дедушкой. Собственно, с ними я и выросла. Они меня всегда поддерживали, ценили и во всем помогали (жен., 22 года, РГСУ).

Родители больше занимались своей работой и как бы были увлечены непосредственно своими делами (муж., 21 год, БИ СГУ).

Взаимоотношения с родителями у меня были всегда очень тяжелые, в том числе в детстве, так как они меня всегда ругали, а вот, напротив, мои бабушки, с ними всегда было хорошо. И бабушка, которая рядом со мной жила, она всегда приходила заступаться за меня, и, конечно, мне было от этого намного легче. В детстве у меня не было как таковых друзей. Мне приходилось общаться с друзьями по соседству, и это были все мальчишки, при этом мне приходилось естественно их поддерживать во всем, играть в мальчишечьи игры (жен., 23 года, РГСУ).

С моими родителями в детстве у меня были трудные отношения. То, что я в какой-то степени их побаивалась. Они меня порою ругали ни за что, даже просто, когда я училась в школе, когда у нас были родительские собрания, я очень боялась, что мама скоро вернется и будет на меня очень сильно ругаться. Хотя я училась хорошо, и мне бояться было практически нечего. Но они мне многое запрещали и не разрешали. Поэтому, возможно, у нас и были натянутые отношения (жен., 22 года, РГСУ).

Были, конечно, моменты, которые я очень хорошо запомнила. То, что меня ругали родители, так как я была очень баловливым ребенком, но все равно у меня было очень хорошее детство (жен., 21 год, БИ СГУ).

Респонденты также описывали несправедливость родителей, наказания, гендерно отличные методы семейного воспитания разнополых детей

в одной семье, страх одиночества, отчаяние, чувство ненужности, отвержения взрослыми.

Нас в семье двое, как бы есть я и мой старший брат, и ему как бы уделялось не то, чтобы больше времени, как бы нам уделяли одинаково времени, но на него внимания акцентировали больше, чем на меня, и это всегда вызывало у меня именно обиду. То есть в плане вещей, в плане каких-то моментов, в плане тех же самых прогулок, то бишь если он хотел там гулять, скажем, так в 12, там, в 13 лет, то его легко отпускали, то мне же говорили, допустим, что я должна учиться, то, что я должна читать книжки и ну вот, все было связано с учебой (жен., 23 года, РГСУ).

Это когда я поссорилась со своей подружкой-одноклассницей, родители встали на ее сторону, что вызвало у меня очень сильную обиду, так как я считала, что они были неправы (жен., 21 год, БИ СГУ).

Самая грустное в моем детстве, это то, что меня ставили в угол, если где-то я накосячил, меня также и ругали, и били, поэтому всегда было не очень приятно, и очень часто я получал за это, за все, за малейший проступок (муж., 22 года, БИ СГУ).

Самая обидная история из детства, где было действительно печально, когда меня не взяли родители на день рождения с собой. Я почему-то забился под диван, очень долго плакал, я не знаю почему, было просто обидно. Это была, наверное, такая, самая печальная история из детства. Вот... даже первая драка не так печально и обидно, как именно почему-то вот это вот (муж., 23 года, РГСУ).

Вторая группа негативных воспоминаний связана с обидой, предательством или злыми шутками друзей или ровесников, что косвенно подтверждает тот факт, что буллинг в одновозрастных группах не социальное изобретение нашего времени.

Мне на тот момент было 6 лет, и я играла во дворе в песочнице, познакомилась с девочкой. И она говорит: «Смотри!» — и показывает куда-то в сторону. И в тот момент, когда я повернулась посмотреть, она мне насыпала на голову целое ведро песка. Песок был у меня везде: в голове, во рту, в носу, в глазах.... Но даже несмотря на это, с этой девочкой мы дружим до сих пор (жен., 22 года, БИ СГУ).

Единственный раз, когда я обиделась на своих двух подруг — это когда мы поехали на велосипедах на природу, за деревню, и там был

большой карьер, и я спустилась вниз, а они быстрее меня забрались наверх и спрятали мой велосипед и сами спрятались. Я их звала, но они не отзывались (жен., 21 год, БИ СГУ).

Подружек у меня было очень мало. У меня была одна близкая подружка, но с ней общаться было очень трудно, она порой не понимала, чего она хотела сама, а других подружек у меня не было, приходилось, поэтому общаться только с ней. И порою мы играли с ней в «дочки-матери», и она постоянно практически была в роли «мамы». Мне это не нравилось. Я тоже хотела быть в роли мамы, и мы очень часто с нею ссорились. А как таковых друзей у меня было не очень много (жен., 22 года, РГСУ).

Отношения с родными братьями и сестрами имеют ярко выраженный гендерный и возрастной аспекты. Большинство информантов — младшие дети в семье, имеют старших сиблингов разного пола. В этой связи детские негативные воспоминания связаны именно с нежеланием старших детей присматривать за младшими, включать их в свои компании и игры и как следствие возникновением конфликтов из-за перекладывания ответственности или вины за шалости родителями на последних.

Ну, грустно мне было всегда и обидно, когда брат меня старший обижал, бросал меня, убежал от меня, а мне всегда было обидно. Его заставляли со мной сидеть, а он меня бросал, обманывал (жен., 20 лет, БИ СГУ).

Помню, когда мне было где-то лет шесть, у нас в саду был домик, где собиравлись мои братья и вся молодежь. Мне очень хотелось туда попасть и посмотреть, что они там делают. Я, помню, пошла к ним туда, а они меня не пустили. Я так обиделась на своих братьев, что даже заплакала (жен., 24 года, РГСУ).

Была одна история, связанная с моей сестрой. Когда мы играли в бумажные такие куклы, вырезанные из бумаги и для них одежда. Я сказала ей, что дам бумажную вещь, но в итоге, я ее обманула и не дала ее. Сестра обиделась, мы с ней поругались (жен., 22 года, БИ СГУ).

Наряду с взаимоотношениями с членами семьи, часть воспоминаний информантов содержит сведения о пребывании в общеобразовательной (детском дошкольном учреждении или школе), реже медицинской организации (больнице, санатории) и связанными с этим переживаниями страха потери семьи, родителей, одиночества и отчаяния.

Самая обидная и печальная история произошла, когда мне было шесть лет. Так случилось, что родители задержались на работе, не смогли меня вовремя забрать из садика. И я осталась из всех деток в группе одна. Мне тогда было очень обидно, очень грустно, мне казалось, что про меня все забыли, что я никому не нужна. Я очень расстроилась. Но через какое-то время родители пришли и забрали меня домой (жен., 23 года, БИ СГУ).

Мне было грустно, когда меня первый раз положили одну в больницу. Я никого там не знала, вокруг было много медсестер в белых халатах, мне было очень страшно отпустить маму. Но ей нельзя было со мной остаться (жен., 24 года, РГСУ).

Значимая группа воспоминаний о конфликтах сопряжена с причинением материального, физического или психологического ущерба самому информанту, с болью, страхом наказания или несправедливым отношением к информантам со стороны родителей, которые пролонгировались в нарушение детско-родительских отношений и до взрослого возраста.

Ну, у нас тогда были странные игры, мы однажды кидались камнями, и я попала мальчику в голову и пробила ее. После чего приходила его мама и выясняла отношения с моими родителями (жен., 22 года, БИ СГУ).

Бы у меня конфликт, связанный с мальчиком и с моими родителями. ...он был очень избалованным мальчиком, обижал девочек, в том числе меня. Вот однажды он меня очень сильно ударил в плечо, очень сильно. За это я повалила его на землю, это увидел мой отец. И устроил мне скандал. У меня был конфликт с отцом из-за этого мальчика. Он не понимал, то, что мне больно и ему было больно важно то, чтобы другой ребенок не пострадал, а мы в семье разберемся. Я была не такой позиции, я была такой позиции, если меня обидели, я должна была дать сдачи. <...> С отцом у меня и сейчас плохие взаимоотношения. То бишь никогда не было понимания. Никогда мы ни о чем не беседовали, как бы что есть папа, что нет папы (жен., 24 года, РГСУ).

Наверное, одна из историй, которая мне вспоминается про конфликт, это история о том, что в начальной школе я маме не рассказывала о том, что получала тройки, ну было такое. По каким предметам я сейчас, конечно, не вспомню, но такое было. И мама у меня болела, я от нее это скрыла, а через неделю она у меня спросила, где дневник, а там стояли тройки, ох мне тогда и влетело, вот. Она потом со мной еще целый месяц не разговаривала. Тяжело потом было добиться ее доверия, конечно (жен., 21 год, БИ СГУ).

Несмотря на межпоколенные различия, конфликтные отношения более характерны для взаимоотношений детей и родителей, чем для детей и родственников старшего возраста. В отличие от бабушек/дедушек, при оценке детско-родительских отношений у трети информантов в воспоминаниях фигурируют истории, связанные с обидой, несправедливостью, нарушением прав, наказаниями, стрессом или конфликтом. Частота упоминаний о родителях в нарративах респондентов стоит на третьем месте после бабушек/дедушек, друзей, что, предположительно, связано с их отсутствием в связи с трудовой занятостью, а также пребыванием детей во время каникул/выходных дней в гостях у старших родственников, общим позитивным настроением во время отдыха от учебных занятий.

**Заключение: основные итоги, практическая значимость
и перспективы исследования проблемы
взаимоотношений поколений**

Анализ результатов исследования позволяет установить, что характер межпоколенных взаимоотношений в детстве непосредственным образом влияет на настоящие отношения респондентов с родителями во взрослой жизни: по субъективным оценкам, чем более доброжелательными они были в прошлом, тем более тесные и доверительные они в настоящем и гипотетически в будущем и наоборот.

Интерпретация полученных результатов установила факт качественно различного межпоколенного взаимодействия с членами семьи. Присутствие родителей в событиях детства у поколения Y амбивалентно и может рассматриваться в рамках как минимум трех ранговых шкал: «любовь/забота», «равнодушие/неприятие» и «насилие/жестокое обращение». Представители серебряного возраста характеризуются исключительно всеми информантами, воспоминания о них связаны с заботой, вниманием, защитой и поддержкой. На наш взгляд, это объясняется более тесным взаимодействием поколений, активным вовлечением прародителей в жизнь внуков, наличием общих эмоций и переживаний в тех или иных жизненных ситуациях, прямой трансмиссией ценностей, знаний, умений, навыков от одного поколения к другому.

Основным ограничением проведенного исследования является, по нашему мнению, тот факт, что нам не удалось в полной мере осуществить перекрестную триангуляцию как соотнесение выявленных ситуаций взросления с аналогичными исследованиями детства ввиду их полного отсутствия, обнаружено «белое пятно» между довольно глубоко изученными эпохами советского детства и детства поколения Z. Формируют ли конфликтные/бесконфликтные отношения с поколениями в детском

возрасте поколенное сознание? На этот вопрос ответ можно будет дать лишь через повторение исследования на этом же объекте через периодический отрезок времени.

В связи с возникшими гипотезами *ad hoc*, о которых мы заявили в начале статьи, необходимо отметить следующее. Ситуация взросления современного поколения Z заметно отличается от миллениалов по многим причинам, и не только в связи с цифровым неравенством. Современные представители третьего возраста, в отличие от своих предшественников, в меньшей степени вовлечены в заботу и воспитание своих внуков/правнуков в силу целого ряда причин, среди них:

- развитая индустрия детских товаров, дополняющие друг друга сектора государственных и частных организаций, предоставляющих образовательные услуги родителям и детям с самого раннего возраста и часто выступающих «заменой» старшему поколению;
- делегирование родительских функций по образованию и воспитанию детей профессионалам — педагогам дополнительного образования, няням, репетиторам, гувернанткам в соответствии с принципами «ответственного родительства»;
- приоритет современных технологий над «устаревшими практиками прошлого века»;
- удержание пожилых людей на рынке труда в связи с депопуляцией, увеличением пенсионного возраста, низким уровнем дохода, недостатком средств на необходимые нужды;
- заметное расширение круга интересов самих представителей третьего возраста, включая занятия спортом, танцами, йогой, путешествия, самообразование, устройство личной жизни, в отличие от предыдущего поколения, ограниченного семьей и работой, особенно в сельской местности;
- усиление не только физической, но и искусственной социальной дистанции между поколениями бабушек/дедушек — детей — внуков, например в период пандемии COVID-19 под предлогом заботы о представителях старшего поколения.

Результаты вторичного анализа исследований коллег позволили подтвердить нашу гипотезу о том, что молодые люди, имеющие близкие, доверительные отношения с родными бабушками/дедушками, при описании образа типичной старости склонны наделять старшее поколение в большей степени положительными характеристиками (Курамшев, Кутявина, Судьин 2017; Крюкова 2008; Сапоровская 2020).

В этой связи мы полагаем, что персонифицированный позитивный опыт взаимодействия с прародителями, чаще всего с бабушками, как

выявлено в ходе нашего исследования, одно из важных условий формирования положительных аттитудов к лицам пожилого возраста в целом. По мере увеличения возраста у пожилых людей наблюдается дисбаланс между приобретением новых и потерей старых отношений в связи с выходом на пенсию, вдовством, смертью близких друзей, взрослением детей и внуков, достижением ими независимости и самостоятельности, снижением интенсивности и частоты контактов между поколениями, что признается отрицательным фактором на микро- и макроуровнях, приводит к социальному исключению лиц пожилого возраста из сферы социальных отношений, изолирует их от остальных социальных групп общества, усиливает чувство одиночества, провоцируя вероятность развития физических и психических заболеваний (Галкин 2020; Григорьева, Петухова 2018).

Интериоризация позитивного отношения к старости повышает адаптивные возможности и самой молодежи в ее идентификации при последующей смене поколенной группы и как следствие ведет к снижению чувства страха и неуверенности в будущем. Если на микроуровне взаимоотношения разных поколений в семье говорят о психологическом благополучии членов конкретной семьи, то на макроуровне — о гармоничном, бесконфликтном сосуществовании разных возрастных групп в обществе, его социальной стабильности.

Данные анализа позволяют сделать некоторые выводы и сформулировать гипотезы для теории поколений и методологии их исследования. В настоящее время в активное поле труда и политики выходит молодежь, у которой в детстве сформированы установки на взаимодействие с поколением прародителей. Мы предполагаем, что это в определенной степени станет залогом межпоколенной солидарности в ближайшее десятилетие, хотя, как мы обозначили выше, такая ситуация не является обязательно устойчивой. Можно подтвердить, что поколение представляет собой продукт социальной среды, социокультурных процессов в конкретный исторический период, специфики процесса социализации, что непосредственным образом оказывает качественное влияние на формирование его габитуса. Соглашаясь в целом с позицией современных социальных наук о возможности проведения поколенческих срезов, мы обращаем внимание на факт, что четких границ между поколениями нет. Детей, рожденных в периоды перехода, ученые предлагают относить к «пограничному» поколению, или «эхо-поколению» (Шамис, Антипов 2007). Мы полагаем, что у них присутствуют ценности ядра поколения с обеих сторон, так как сами ситуации социализации меняются.

Так, нами обнаружено, что в целом «эхо-поколение Y» уже не переживает серьезных экономических потрясений, в отличие от поколения 1990-х годов, однако в воспоминаниях сохраняется лейтмотив дефицита детских товаров и инфраструктуры. В нарративах респондентов фигурирует получение долгожданных вещей (игрушки, велосипед), что, на наш взгляд, помимо яркости впечатлений, обусловлено сохраняющимся в эти годы ограничением детского ассортимента в свободной продаже. Еще больший акцент в интервью ставится на дефиците социальных взаимосвязей между чрезмерно занятыми родителями и детьми как вынужденном следствии экономических и политических изменений того периода.

В ходе исследования нам не удалось обнаружить прямых упоминаний о каких-либо политических, управленческих, законодательных решениях, которые отслеживались респондентами в детстве, так как поколение Y было лишено прямых политических интервенций через общественные организации или движения. Кроме того, мы можем говорить и о слабом воспитательном процессе в образовательных учреждениях, не оставившим следа в их биографиях. Анализируя межпоколенные взаимодействия на макроуровне, с большой долей вероятности можно утверждать, что они, с одной стороны, уже не связаны в детской повседневности с предыдущим советским поколением, с другой стороны, не проявляют активную гражданскую позицию и стремление к «обустройству России».

В русле участвующей социологии необходимо, на наш взгляд, обратить внимание еще на одно наблюдение и сформулировать некоторые практические рекомендации. Информанты высоко оценили тематику опроса, его влияние на текущий момент их жизни, указав на мотивацию поиска друзей детства в социальных сетях, возобновление общения со старшим поколением. Участие в исследовании как небольшой эпизод их повседневности спровоцировал отклик, а значит, востребованность разработки специальных проектов и технологий, которые бы решали задачи перенесения еще не потерянных традиций межпоколенного взаимодействия в новые форматы с учетом отмеченных тенденций изменения как старшего, так и молодого поколения. Этот ресурс нужно использовать для того, чтобы лица пожилого возраста получали экономическую и моральную поддержку через общение прежде всего с выросшими с их участием детей, а не ждали помощи исключительно от государства или волонтеров. Вместо акцентуации на конфликтных взаимоотношениях поколений императивом социологов в содружестве с учеными социогуманитарной сферы должны стать междисциплинарные исследования механизмов и факторов воспроизводящихся межпоколенных связей, сплоченности и преемственности.

Литература

Безрукова О.Н. (2017). Ценности детей и родительства: межпоколенческая динамика. *Социологический журнал*, 23(1): 88–110.

Бейлина Н.С., Двойникова Е.Ю. (2019) Особенности социально-психологической адаптации поколения девяностых годов («Z-поколение»). *Мир науки. Педагогика и психология*, 7(3): 28–34.

Бесчасная А. (2020) Дельта поколения: в поисках характеристик российского поколения настоящего и будущего. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(4): 7–39.

Галкин К. (2020) Онтологическая сборка сред старения. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 23(2): 67–86.

Готов М.Б. (2004) Поколение как категория социологии. *Социологические исследования*, 10: 42–48.

Григорьева И.А., Петухова И.С. (2018) Сокращение социального исключения лиц пожилого возраста. *Журнал социологии и социальной антропологии*, 21(2): 232–237.

Дробышева Т.В., Войтенко М.Ю., Дробышева М.М. (2019) Образ своего поколения в представлениях разных групп россиян (на примере поколений «беби-бумеров», «X» и «миллениум»). *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*, 3(51): 220–230.

Дыльнов Г.В., Шахматова Н.В. (ред.) (2003) Поколенческая организация современного российского общества: специфика современных межпоколенческих отношений. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та.

Кон И.С. (1987) Эстафета поколений: заметки о воспитании молодежи. *Коммунист*, 4: 93–104.

Крюкова Т.Л. (2008) Молодежь о старшем поколении: психология межпоколенного конфликта. *Психологические исследования: электронный научный журнал*, 2(2). [<http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/107-kryukova2.html>] (дата обращения: 12.04.2021).

Курамшев А.В., Кутявина Е.Е., Судьин С.А. (2017) Бабушка в системе внутрисемейных отношений: социологический анализ. *Женщина в российском обществе*, 3(84): 70–79.

Лapidус Л.В., Гостилович А.О., Омарова Ш.А. (2020) Особенности проникновения цифровых технологий в жизнь поколения Z: ценности, поведенческие паттерны и потребительские привычки интернет-поколения. *Государственное управление. Электронный вестник*, 83: 271–293.

Левада Ю.А. (2001) Поколения XX века: возможности исследования. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 5(55): 7–14.

Луков В.А. (2015) Воспитание. *Знание. Понимание. Умение*, 3: 332–340.

Мангейм К. (1998) Проблема поколений. *Новое литературное обозрение*, 2 (30): 7–47.

Маркс К., Энгельс Ф. (1978) *О воспитании и образовании*: в 2 т. Т. 1. М.: Педагогика. (Пед. 6-ка).

Новиков В.В. (2018) Интернет и разрыв поколений: как найти точки соприкосновения с представителями поколения Z в новой цифровой реальности? *Журналист. Социальные коммуникации*, 4(32): 99–106.

Пищик В.И., Сиврикова Н.В. (2015) Ценностно-смысловые ориентации в структуре ментальности поколений. *Ценности и смыслы*, 3(37): 88–97.

Попов Н.П. (2018) Российские и американские поколения XX века: откуда пришли миллениалы? *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*, 4: 309–323.

Радаев В.В. (2020a) Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование. (Первая часть). *Социологический журнал*, 26(3): 30–63.

Радаев В.В. (2020b) Раскол поколения миллениалов: историческое и эмпирическое обоснование (Окончание). *Социологический журнал*, 4: 31–60.

Сапоровская М.В. (2020) Межпоколенный конфликт и психологическое благополучие семьи. *Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика*, 26(4): 48–54.

Семенова В.В. (2009) *Социальная динамика поколений: проблема и реальность*. М.: РОССПЭН.

Шамис Е., Антипов А. (2007) Теория поколений. *Маркетинг. Менеджмент*, 6: 42–46.

Шанин Т. (2005) История поколений и поколенческая история. Левада Ю., Шанин Т. (ред.) *Отцы и дети: поколенческий анализ современной России*. М.: НЛО: 17–38.

Anderson H.J., Baur J.E., Griffith J.A., Buckley M.R. (2017) What works for you may not work for (Gen) Me: Limitations of present leadership theories for the new generation. *The Leadership Quarterly*, 28: 245–260.

Balda J.B., Mora F. (2011) Adapting leadership theory and practice for the networked, millennial generation. *Journal of Leadership Studies*, 5(3): 13–24.

Bourdieu P. (1977) Cultural Reproduction and Social Reproduction. Power and Ideology in Education. In: Karabel J., Halsey A.H. (eds.) *Power and Ideology in Education*. N.Y.: Oxford University Press: 487–511.

Costanza D.P., Finkelstein L.M. (2017) Generations, age, and the space between: Introduction to the special issue. *Work, Aging and Retirement*, 3: 109–112.

Diewald M., Mayer K.U. (2009) The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways? *Advances in Life Course Research*, 14: 5–14.

Espinoza C., Ukleja M. (2016) *Managing the millennials: Discover the core competencies for managing today's workforce*. 2nd ed. N.Y.: John Wiley & Sons.

Grace M., Graen G.B. (eds.) (2014) *Millennial spring: Designing the future of organizations*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.

- Grubbs J.R. (2015) *Leading the lazy: Get the most from today's workforce*. Charleston, SC: Create Space Independent Publishing.
- Feuer L.S. (1969) *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement*. N.Y.: Basic Books.
- Karsh B., Templin C. (2013) *Manager 3.0: A millennial's guide to rewriting the rules of management*. N.Y.: AMACOM Publishing.
- Lorenz K. (1970) The enmity between generations and its probable ethological causes. *Psychoanalytic Review*, 57: 333–377.
- Mannheim K. (1952) *The Problem of Generations. Essays on the Sociology of Knowledge*, L.: Routledge; Kegan Paul.
- Mendel G. (1969) *La crise de générations: étude sociopsychanalytique*. Paris: Payot.
- Ritchie J., Spencer L. (2002) *Qualitative Data Analysis for Applied Policy Research*. In: Bryman A., Burgess R.G. (eds.). *Analyzing Qualitative Data*. L.: Routledge, 2002: 173–194.
- Rudolph C.W., Rauvola R.S., Zacher H. (2018) Leadership and generations at work: A critical review. *The Leadership Quarterly*, 29: 44–57.
- Strauss W., Howe N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. N.Y.: Broadway Books.
- Zacher H. (2015) Using lifespan developmental theory and methods as a viable alternative to the study of generational differences at work. *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 8: 342–346.

**“I ACTUALLY GREW UP WITH THEM...”:
INTERGENERATIONAL RELATIONSHIPS THROUGH THE
PRISM OF RETROSPECTIVE RECOLLECTIONS
OF CHILDHOOD BY TODAY’S YOUTH**

Oksana Besschetnova^a (oksana**besschetnova**@yandex.ru),
Svetlana Mayorova-Shcheglova^b (shcheglova-s**@yandex.ru**)

^a Research Institute of Health Organization and Medical Management
of the Moscow Department of Health, Moscow, Russia

^b Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Citation: Besschetnova O., Mayorova-Shcheglova S. (2021) «Собственно с ними я и выросла...»: взаимоотношения поколений через призму ретроспективных воспоминаний современной молодежи о детстве [“I actually grew up with them...”: intergenerational

relationships through the prism of retrospective recollections of childhood by today's youth]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 24(4): 110–137 (in Russian). <https://doi.org/10.31119/jssa.2021.24.4.5>

Abstract. The article analyzes the intersubjective relations of different generations and identifies the most positive/negative sectors of interactions between generation Y (millennials) and other generations. Sociological research was carried out in 2020–2021 among university students of a megalopolis and a small town by the in-depth interview method (N=85). Retrospective recollections of students' memories about their childhood show that younger family members also build intergenerational relationships as well as all other generations without any exception, the evidence of the variability of this social construct is recorded. It was found that intergenerational relationships in childhood directly affects the assessment of the respondents' actual relationships with family members in adulthood: it becomes clear, the more benevolent they were in the past, the closer and trusting they are in the present and, hypothetically, in the future, and vice versa. Despite intergenerational differences, conflict relations are more characterized by the “children — parents” than “children — grandparents” system. The frequency of mentioning parents in the respondents' narratives ranks third after grandparents and friends, which is presumably related to their absence due to employment. In this regard, the authors point out that the personified positive experience of interaction between young people and representatives of the older generation (more often grandmothers) is one of the important conditions for the formation of positive attitudes towards the elderly in general, intergenerational cohesion and, presumably at the macro level, social cohesion. The article summarizes six directions of destructive reduction of the spheres of older generation' involvement in the care and upbringing of their grandchildren or great-grandchildren in modern Russia. The indicated transformations are considered as an imperative for changing the vector and measures of state social policy, as well as interdisciplinary generational research.

Keywords: generation, youth, students, generation theory, retrospective analysis, narrative, intergenerational interaction.

References

Anderson H.J., Baur J.E., Griffith J.A., Buckley M.R. (2017) What works for you may not work for (Gen) Me: Limitations of present leadership theories for the new generation. *The Leadership Quarterly*, 28: 245–260.

Balda J.B., Mora F. (2011) Adapting leadership theory and practice for the networked, millennial generation. *Journal of Leadership Studies*, 5(3): 13–24.

Beilina N.S., Dvoynikova E.Y. (2019) Osobennosti social'no-psihologicheskoy adaptatsii pokoleniya devyanostyh godov («Z-pokolenie») [Features of social and psychological adaptation of the generation of the nineties (“Z-generation”)]. *Mir nauki. Pedagogika i psihologiya* [The world of science. Pedagogy and Psychology], 7(3): 28–34 (in Russian).

Beschasnaya A. (2020) Pokolenije Del'ta: v poiskah harakteristik rossijskogo pokoleniya nastojashhego i budushhego [Generation Delta: In Search of the Characte-

ristics of the Russian Generation of Present and Future]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(4): 7–39 (in Russian).

Bezrukova O.N. (2017). Cennosti detej i roditel'stva: mezhpokolencheskaja dinamika [Values of Children and Parenting: Intergenerational Dynamics]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 23(1): 88–110 (in Russian).

Bourdieu P. (1977) Cultural Reproduction and Social Reproduction. Power and Ideology in Education. In: Karabel J., Halsey A.H. (eds.)/ *Power and Ideology in Education*. New York: Oxford University Press: 487–511.

Costanza D.P., Finkelstein L.M. (2017) Generations, age, and the space between: Introduction to the special issue. *Work, Aging and Retirement*, 3: 109–112.

Diewald M., Mayer K.U. (2009) The sociology of the life course and life span psychology: Integrated paradigm or complementing pathways? *Advances in Life Course Research*, 14: 5–14.

Drobysheva T.V., Voitenko M.Y., Drobysheva M.M. (2019) Obraz svoego pokolenija v predstavlenijah raznyh grupp rossijan (na primere pokolenij «bebi-bumerov», «X» i «millenium») [The image of their generation in the representations of different groups of Russians (for example, the generations of “Baby Boomers”, “X” and “Millennium”)]. *Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennoy universiteta* [Scholarly notes. Electronic scientific journal of Kursk State University], 3(51): 220–230 (in Russian).

Dylnov G.V., Shakhmatova N.V. (eds.). *Pokolencheskaja organizacija sovremennoy rossijskogo obshchestva: specifika sovremennyh mezhpokolencheskih otnoshenij* [Generational organization of modern Russian society: the specifics of modern intergenerational relations] (2003). Saratov: Publishing house of Saratov University (in Russian).

Espinoza C., Ukleja M. (2016) *Managing the millennials: Discover the core competencies for managing today's workforce*. 2nd ed. New York: John Wiley & Sons.

Feuer L.S. (1969) *The Conflict of Generations. The Character and Significance of Student Movement*. New York: Basic Books.

Galkin K. (2020) Ontologicheskaja sborka sred starenija [Ontological assembly of aging environments]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 23(2): 67–86 (in Russian).

Glotov M.B. (2004) Pokolenie kak kategorija sociologii [Generation as a category of sociology]. *Sotsiologicheskiye issledovaniya* [Sociological Research], 10: 42–48 (in Russian).

Grace M., Graen G.B. (eds.) (2014) *Millennial spring: Designing the future of organizations*. Charlotte, NC: Information Age Publishing.

Grigorieva I.A., Petukhova I.S. (2018) Sokrashhenie social'nogo iskljuchenija lic pozhilogo vozrasta [Reducing social exclusion of older people]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii* [The Journal of Sociology and Social Anthropology], 21(2): 232–237 (in Russian).

Grubbs J.R. (2015) *Leading the lazy: Get the most from today's workforce*. Charleston, SC: CreateSpace Independent Publishing.

Karsh B., Templin C. (2013) *Manager 3.0: A millennial's guide to rewriting the rules of management*. New York: AMACOM Publishing.

Kon I.S. (1987) Jestafeta pokolenij: Zаметki o vospitanii molodezhi [Relay of Generations: Notes on the Education of Youth]. *Kommunist* [Communist], 4: 93–104 (in Russian).

Kryukova T.L. (2008) Molodezh' o starshem pokolenii: psihologija mezhpokolennogo konflikta [Youth about the older generation: the psychology of intergenerational conflict]. *Psihologicheskie issledovanija: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Psychological research: Electronic Scientific Journal], 2(2) [<http://psystudy.ru/index.php/num/2008n2-2/107-kryukova2.html>] (accessed: 12.04.2021) (in Russian).

Kuramshev A.V., Kutjavina E.E., Sudin S.A. (2017) Babushka v sisteme vnutrisemejnyh otnoshenij: sociologicheskij analiz [Grandmother in the system of intrafamily relations: a sociological analysis]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [Woman in Russian Society], 3(84): 70–79 (in Russian).

Lapidus L.V., Gostilovich A.O., Omarova Sh.A. (2020) Osobennosti proniknovenija cifrovyh tehnologij v zhizn' pokolenija Z: cennosti, povedencheskie patterny i potrebitel'skie privyчки Internet-pokolenija [Peculiarities of penetration of digital technologies into the life of generation Z: values, behavioral patterns and consumer habits of the Internet generation]. *Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik* [Public administration. Electronic Gazette], 83: 271–293 (in Russian).

Levada Y.A. (2001) Pokolenija XX veka: vozmozhnosti issledovanija [Generations of the Twentieth Century: Research Opportunities]. *Monitoring obshhestvennogo mneniya: ekonomicheskiye i sotsialnye peremeny* [Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 5(55): 7–14 (in Russian).

Lorenz K. (1970) The enmity between generations and its probable ethological causes. *Psychoanalytic Review*, 57: 333–377.

Lukov V.A. (2015) Vospitanie [Education]. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 3: 332–340 (in Russian).

Mannheim K. (1998) Problema pokolenij [The problem of generations]. *Novoe literaturnoe obozrenie* [New Literary Review], 2(30): 7–47 (in Russian).

Mannheim K. (1952) *The Problem of Generations. Essays on the Sociology of Knowledge*, London: Routledge; Kegan Paul.

Marx K., Engels F. (1978) *O vospitanii i obrazovanii* [On upbringing and education]: in 2 vols. Vol. 1. Moscow: Pedagogy (in Russian).

Mendel G. (1969) *La crise de générations: étude sociopsychanalytique*. Paris: Payot.

Novikov V.V. (2018) Internet i razryv pokolenij: kak najti tochki soprikosnovenija s predstaviteljami pokolenija Z v novoj cifrovoj real'nosti? [The Internet and the Generation Divide: How to find common ground with Gen Z in the new digital reality?] *Zhurnal'ist. Social'nye kommunikacii* [Journalist. Social Communications], 4(32): 99–106 (in Russian).

Pishchik V.I., Sivrikova N.V. (2015) Cennostno-smyslovye orientacii v strukture mental'nosti pokolenij [Value-semantic orientations in the structure of the mentality of generations]. *Cennosti i smysly* [Values and Meanings], 3(37): 88–97 (in Russian).

Popov N.P. (2018) Rossijskie i amerikanskije pokolenija XX veka: otkuda prishli Millenialy? [Russian and American Generations of the 20th Century: Where Did Millennials Come From?] *Monitoring obshhestvennogo mneniya: Ekonomicheskiye*

i sotsialnye peremeny [Opinion Monitoring: Economic and Social Change], 4: 309–323 (in Russian).

Radaev V.V. (2020 a) Raskol pokolenija millenialov: istoricheskoe i jempiricheskoe obosnovanie. (Pervaja chast'). [The Millennial Generation Split: Historical and Empirical Rationale. (First part)]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 26 (3): 30–63 (in Russian).

Radaev V.V. (2020 b) Raskol pokolenija millenialov: istoricheskoe i jempiricheskoe obosnovanie (Okonchanie). [The Millennial Generation Split: A Historical and Empirical Rationale (End)]. *Sotsiologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], 4: 31–60 (in Russian).

Ritchie J., Spencer L. (2002) *Qualitative Data Analysis for Applied Policy Research*. In: Bryman A., Burgess R.G. (eds.). *Analyzing Qualitative Data*. London: Routledge, 2002: 173–194.

Rudolpha C.W., Rauvolaa R.S., Zacherb H. (2018) Leadership and generations at work: A critical review. *The Leadership Quarterly*, 29: 44–57.

Sapovovskaya M.V. (2020) Mezhpokolennyj konflikt i psihologicheskoe blagopoluchie sem'i. [Intergenerational conflict and psychological well-being of the family]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Pedagogika. Psihologija. Sociokinetika* [Bulletin of the Kostroma State University. Series: Pedagogy. Psychology. Sociokinetics], 26(4): 48–54 (in Russian).

Semenova V.V. (2009) *Social'naja dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: problem and reality]. Moscow: ROSSPEN (in Russian).

Shamis E., Antipov A. (2007) Teorija pokolenij. [Theory of generations]. *Marketing. Menedzhment* [Marketing. Management], 6: 42–46 (in Russian).

Strauss W., Howe N. (1997) *The Fourth Turning: An American Prophecy — What the Cycles of History Tell Us About America's Next Rendezvous with Destiny*. New York: Broadway Books.

Zacher H. (2015) Using lifespan developmental theory and methods as a viable alternative to the study of generational differences at work. *Industrial and Organizational Psychology: Perspectives on Science and Practice*, 8: 342–346.